

НЕУЖЕЛИ ПРОПАДЕТ МАЛЬЧИК?

Когда я вечером пришел в кош, все были в сборе — те, кто косил сено, и мальчик Салим, который пас телят.

— Ну, Ако, как у тебя сегодня прошел день? — спросил Горда, приобняв меня за плечо.

— Плохо,— ответил я угрюмо и печально.

— Почему?

— Очень плохой был день.

— Ты же сегодня не проспал отару? Что же случилось? Почему день был плохой?

— Серый баран погиб! — Я не выдержал и всплакнул.

— Что ты, что ты, плакать из-за барана! Ты же мужчина!

— Мне обидно. Он был такой хороший.

— Ничего, лишь бы мы с тобой были живы, бараны найдутся. А как он погиб у тебя, баран-то?

Я рассказал все как было.

— Значит, серый баран погиб? — спросил Тебо.

Я подтвердил это снова.

— Это был баран Тебо, — сказал Горда.— Если он не ругает тебя, тогда можешь спокойно есть, спокойно спать. Чтобы ты скорее успокоился, я расскажу тебе сказку, в которой будут и бараны. Ну как, Тебо, ты не ругаешь племянника за гибель барана?

— Хорошо было бы, если бы не погиб он,— ответил Тебо.— Племянник не виноват, это получилось не по его недосмотру. Животные подрались, и двое спустили третьего в пропасть. О чем говорить? Все мы живы, слава Богу, бараны найдутся. Верно ты, брат Горда, сказал.

— Вот видишь, все обошлось хорошо. — Горда обнял меня снова за плечо.— А ты плакал. Ай-ай-ай!

После этого я рассказал взрослым о том, как я видел медведя с белой шеей. Некоторые усомнились, решили, что я выдумал эту историю, но Горда твердо отвел их сомнения.

— Нет, друзья,— сказал он,— вы не знаете нашего Ако. Он никогда не станет говорить того, чего не было. Нет, нет, это исключается. Он не из тех, кто может врать. Ако сын своего отца. Наш покойный брат Азнор никогда не лгал. Это известно всему аулу.

Эти слова Горды о моем отце, которого я не помнил, и так хотел бы увидеть хотя бы во сне, так тронули меня, что на глаза мои навернулись слезы. Это заметили старшие, дяди мои вздохнули. Как я жалел, что не помнил облика отца, что он умер, когда я был совсем маленьким. Мне казалось, что во всем нашем ущелье не было человека красивее, храбрее моего папы. Кроме моей собственной фантазии, в этом убеждали меня рассказы мамы и братьев отца — Тебо и Горды. С особой любовью, живо и увлеченно о моем папе рассказывал каждый раз Горда. Он ведь был фантазер и сказочник. Это теперь я так думаю, что он, рассказывая о старшем брате, многое преувеличивал.

Допускаю, что и мама моя, совсем молодой оставшаяся без мужа, которого очень любила, тоже могла приукрашивать, но только не Тебо, спокойный, рассудительный, неразговорчивый. Да, я горячо любил отца, которого не помнил. И все, что о нем говорили, запоминал с точностью, помню и сей-час, когда стал намного старше отца. Мой отец умер в сорок лет — самом лучшем возрасте мужчины. Так сложились

обстоятельства. Один из братьев намного старше моего отца однажды вызвал его к себе и сказал:

— Брат, как тебе известно, я женю сына. Необходимо ехать за невестой в соседнее ущелье. Кто должен возглавить группу всадников? Конечно, ты, этого требует обычай.

— Ехать когда? — спросил отец.

— Через два дня.

Говорят, отцу не хотелось ехать, очень не хотелось, хотя обычно он любил такие поездки. А вот на этот раз у него не было желания ехать. Возразить старшему брату, отказаться, разумеется, он тоже не мог, это было не в его привычке. Да и по обычаю не полагалось. И он поехал. Оттуда он вернулся совсем больным. На обратном пути с трудом сидел на своем любимом белом жеребце с отбитым саблей правым ухом. Он заехал к брату, поздравил его с женитьбой сына, сказал, что тяжело заболел, на свадьбе не в силах быть, извинился и попросил отпустить его. Рассказывали, что он, обычно очень живой человек, печально подъехал на своем белом жеребце к своему дому, медленно въехал во двор, с трудом слез с лошади. Мать вышла встречать отца, и я, двухлетний мальчик, обрадованный приездом отца, не зная и не понимая в каком он состоянии вернулся, ликующе подбежал к нему; как отцу ни было трудно, он взял меня на руки, обнял, прижал мое лицо к своей щеке. Я захотел сесть на лошадь, отец усадил меня в седло и держал, чтобы я не упал. Мать видела, что отец сам не свой, бледен, печален, едва держится на ногах, не похож на себя, подошла и сняла меня с отцовского жеребца. Снова отец взял меня на руки, и мы зашли в дом. Он велел матери постелить, а сам с любовью гладил меня по голове, приговаривая: «Кто тебе поможет, сынок? Кто поможет?» — а у самого были слезы на глазах.

— Ты его помощь и опора, ты! — сказала мать, поняв печальный смысл отцовских слов и увидев, что на глаза его навернулись слезы.

«Неужели мальчик пропадет?» — думал отец про себя. А вслух сказал:

— Не пропадешь, надеюсь, не пропадешь, мой мальчик. Мои братья не оставят тебя без помощи. А еще поможет Бог.

Отец слег. Больше он не вставал. Через неделю его не стало. Я осиротел двухлетним мальчиком в одну из осенних ночей. От отца мне не осталось даже фотографии, должно быть, он никогда и не фотографировался. До этого ли было ему! Но он оставил мне свое доброе имя человека, о котором ни один из земляков никогда не мог сказать «ничего дурного, оставил свой пример честного труженика, остались рассказы о нем, о его благородстве и мужестве, прямоте и бескорыстии. Это было моим наследством. Разве мало этого?»

Интересно, что его любимый одноухий жеребец пал в ту же ночь, когда умер сам отец. Мать моя и братья отца были довольны, что не стало жеребца, — было бы невыносимо, говорили они, чтобы кто-нибудь другой ездил на нем. Они считали, что второго такого достойного всадника, чтобы ездил на этом коне, не могло быть. В те годы в горах любили народные скачки, которые происходили часто. Ни в родном ущелье, ни в соседних ущельях и долинах ни один скакун ни разу не опережал за многие годы одноухого жеребца моего отца. Потому он и лишился уха. Это случилось в пору первых побед белого скакуна, которого отцу подарил жеребенком один из родственников. Отец растил и пестовал его заботливо, с любовью. И вот в ту пору, когда совсем еще молодой

конь начал побеждать на всех скачках, в соседней с нашим ущельем долине происходили скачки в честь какого-то большого народного праздника, народу собралось много, скакуны прибыли из всех районов. И в тот день первым пришел белый жеребец. Молодой князь Каспот, надеявшийся, что его саврасый скакун обскочет всех коней, возмутился, разозлился, подсакал к отцовскому коню, вынул саблю и снес коню-победителю правое ухо. Князю казалось, что этим он уродует белого жеребца, но ошибся. Мой отец и его племянник набросились на Каспота с обнаженными кинжалами, но старший брат отца с другими родственниками кинулись, схватили обоих и не допустили драки на празднике. Поступок князя осудили присутствующие, считая его глупым и жестоким. И в конце концов получилось так, будто белый жеребец потерял ухо в бою. А в другой раз, тоже в чужом ауле, ночью накануне скачек хозяева другого коня — претендента на первенство — накормили скакуна отца мылом. Узнав об этом бесчестном поступке, отец и его племянник снова бросились в драку. Находившаяся тут же пожилая тетя отца, жившая в этом ауле, угрожая палкой, вывела из драки своих племянников. Таких историй, связанных с белым жеребцом, было много. Я очень любил их слушать. Эта привычка сохранилась у меня и до сих пор. Правда, теперь чаще, чем другие родственники, рассказываю эти истории я сам. Думаю, что моя любовь к лошадям с малых лет и страсть к верховой езде были порождены в основном этими рассказами об отце и его одноухом жеребце, который в нашей семье до сих пор остается живой легендой, полной поэзии. Он всегда виделся мне скачущим на заре, в яркий полдень, в сумерках вечера, при лунном свете, на фоне белых вершин. Издавна я упорно считал, что не было на свете скакуна лучше, чем отцовский, что кони в сказках Горды тоже замечательные, но одноухий был лучше. Об этом я говорил Горде. Он, конечно, соглашался с моим мнением, потому что очень любил брата.

А еще я гордился тем, что мой отец и его племянник Таку сражались в ущелье против белоказаков; об этом тоже много рассказывали мне мать и все взрослые родственники.

Для того чтобы захватить верхние аулы, белые должны были пройти по узкой теснине в ущелье, другой дороги не было. Так получилось, что отец с племянником, засевшие на высокой скале над единственной дорогой, много часов задерживали большой отряд деникинцев. Оба они были не только мо-лодые, крепкие, смелые, но и метчайшие стрелки. И этим они славились на всю округу. Партизаны отчаянно сражались в ущелье. Но вышли патроны. А взять их было негде. Пришлось отступать за горы. В пути Таку похоронил снежный обвал. Прошло много дней после этого. А я, мальчик, не понимал, что Таку погиб, что погибшие не приходят домой, подни-мался на плоскую кровлю дедовской сакли, и, став лицом к горам, звал:

— Таку! Иди домой! Мы ждем тебя! Иди домой! Бабушка хычины приготовила, мясо сварила!

Для моего отца гибель племянника стала великим горем. Родичи говорили, что он так переживал эту смерть, что от этого и заболел смертельно.

Когда белоказаки заняли аул, они полностью разорили наш дом, семью выбросили на улицу, весь запас зерна высыпали своим лошадям. Моя мать, прижав меня к груди, холодные ночи проводила у каменной ограды. А двоюродного брата отца по имени Хасан белые так избивали шомполами, что тот не мог ходить, едва выжил. Я, конечно, был слишком мал, чтобы понять трагический смысл всего этого. Перед смертью отец боялся,

что я пропаду. Не пропал. Люди не дали пропасть. Прежде всех — мать.